

Е. И. Романова

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ИМПЕРСКОГО МОДУСА
В РОМАНЕ А. БРУСНИКИНА «ГЕРОЙ ИНОГО ВРЕМЕНИ»**

У статті розглядається зміст і функції літературних алюзій, цитат, підкреслено відомі сюжети, герої, образи в романі А. Бруснікіна «Герой іншого часу».

Дія роману розгортається в рамках «Кавказського Тексту», експліцитно позначеного в відсиланнях-епіграфах до творів Бестужева-Марлінського, Пушкіна, Лермонтова, Л. Толстого.

Автор транслює сюжет лермонтовського роману «Герой нашого часу», але зосереджує свою увагу не на фігурі головного героя – Печоріна, а на подіях війни на Кавказі 1817-1864 років і тільки з ними пов'язує найважливіші екзистенційні питання, які стоять перед особистістю, – моральність, порядність, справедливість, патріотизм, відповідальність, любов, свобода, влада, смерть, державність. У романі А. Бруснікіна «Герой іншого часу» постмодерністська гра з цитатами обертається політичним засобом деконструкції імперського модусу колоніальної політики Росії.

Ключові слова: інтертекстуальність, постмодерністська деконструкція, колоніальний дискурс, імперський модус.

В статье рассматривается смысл и функции литературных аллюзий, цитат, подчеркнута узнаваемых сюжетов, героев, образов в романе А. Брусникина «Герой иного времени».

Действие романа разворачивается в рамках «Кавказского Текста», эксплицитно обозначенного в отсылках-эпиграфах к произведениям Бестужева-Марлинского, Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого.

Автор обыгрывает сюжет лермонтовского романа «Герой нашего времени», но сосредотачивает свое внимание не на фигуре главного героя – Печорина, а на событиях войны на Кавказе 1817–1864 годов и только с ними связывает важнейшие экзистенциальные вопросы, стоящие перед личностью, – нравственности, порядочности, справедливости, патриотизма, ответственности, любви, свободы, власти, смерти, государственности. В романе А. Брусникина «Герой иного времени» постмодернистская игра с цитатами оборачивается политическим средством деконструкции имперского модуса колонияльной политики России.

Ключевые слова: интертекстуальность, постмодернистская деконструкция, колониальный дискурс, имперский модус.

The article considers the sense and purposes of literary allusions, quotations and references to widely known subjects, heroes and images of Russian classic literature in A. Brusnikin's novel "Hero of Other Time".

The action of the novel unfolds within the frame of Caucasian Text, which is explicitly alluded in epigraphs taken from works of Bestuzhev, Marlinsky, Pushkin, Lermontov, L. Tolstoy and others.

Referring to the plot of Lermontov's "Hero of Our Time", the author focuses not on the main character, Pechorin, but on the events of Caucasian War of 1817–1864 and connects the most important existential questions a person faces – moral, decency, power, justice, patriotism, responsibility, love, freedom, power, death, nationhood – with them only. In A. Brusnikin's novel "Hero of Other Time" postmodern game with quotations becomes a political means for deconstruction of imperial modus of Russian colonial policy.

Keywords: intertextuality, postmodern deconstruction, colonial discourse, imperial modus.

Последние исторические проекты Григория Шалвовича Чхартишвили хочется в его же стиле прямого аллюзивного цитирования назвать «художественной энциклопедией русской истории». Грандиозное исследование русской государ-

ственности, предпринятое писателем под псевдонимом Б. Акунин (Бакунин – игра с фамилией теоретика русского анархиста Бакунина) полемически повторяет название знаменитой карамзинской «Истории государства российского» и сопровождается художественными иллюстрациями «частных судеб» в потоке истории – «Знак Каина», «Звездуха», «Вдовый плат», «Убить змееныша», «Гулящие люди». К этому «историческому проекту» примыкают и три книги, написанные под псевдонимом А. Брусникин, – «Девятный спас», «Герой иного времени», «Белонна». В одном из интервью Чхартишвили пояснял смену псевдонима с Б.А. на А.Б.: решил, что будет интересно взглянуть на историю России с непривычной для меня стороны. Сам я (и Акунин тоже) по образу мыслей – западник и даже космополит. Но мне хотелось попробовать на зуб и противоположное мировидение – «почвенное», славянофильское. Впрочем, в смене псевдонима с неуловимой тонкостью полунамека слышится ироническая нотка «квасного патриотизма» (Боюсь: брусничная вода. Мне не наделала б вреда). Впрочем, его намерения вполне серьезны: «У нас ведь чаще всего, если кто-то патриот, так обязательно ненавидит все чужое и трясется от ксенофобии. А мой Брусникин не такой. Он уважает чужое, но любит и ценит свое» [10]. Преодоление ненависти и ксенофобии становится важнейшей задачей писателя.

Роман «Герой иного времени», вышедший в 2007 году, уже в самом названии отсылает читателя к лермонтовскому «Герою нашего времени», самого же автора в меньшей степени интересуется личность Печорин, но в большей – «его окрестности» – кавказские войны XIX века, продолжавшиеся больше пятидесяти лет.

Обращение к этой теме для писателя стало актуальным на фоне двух новых чеченских войн XX века, длившихся 15 лет с 11 декабря 1994 года по апрель 2009 года, когда режим КТО был отменён, и война, в которой погибло четверть миллиона чеченцев, была официально завершена.

Роман А. Брусникина «Герой иного времени» держится на сюжетной канве лермонтовского романа – здесь вполне узнаваемы и исторические сближения, и сюжетные переключки: судьба Бэлы, любовная коллизия, восходящая к истории княжны Мери, дуэль, множество узнаваемых персонажей: инвариантом Максима Максимыча становится хорунжий Донат Тимофевич, русского доктора Вернера – русский доктор Прохор Антонович Кюхенфельфер, и структура повествования в значительной своей части имитирующая «Журнал Печорина» – «Записки старого кавказца» Г. Ф. Мангарова», и место действия Кисловодск–Серноводск, и картинки-списки с «водяного общества» с «внесюжетным» Стольниковым, выстроенным на пересечении Онегина-Печорина и пр. Есть соблазн рассмотреть этот роман как классический постмодернистский текст – роман-пастиш, увлекающий читателя занимательной игрой «Угадай аллюзию-цитату». Только у Брусникина и угадывать не нужно: прием обнажен до подчеркнутого, нарочитого «плагиата» с указанием на первоначальные тексты в предисланных к главам эпиграфах из Толстого, Бестужева-Марлинского, Лермонтова и др.

Лермонтовский текст у Брусникина начинает «работать» лишь в соотношении с другими «кавказскими» текстами русской литературы – повестью Толстого «Хаджи Мурат», поэмой «Кавказский пленник» Пушкина, «Кавказский пленник» Толстого, повестью Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек», поддерживаемых отсылкой и к биографии Лермонтова, воевавшего на Кавказе в составе карательных «штурмовых колонн». Историк Н. И. Покровский писал, что во время летней экспедиции отряд Галафеева, в составе которого воевал Лермонтов, «прошел по Малой Чечне с огнем и мечом, сжег ряд больших аулов, уничтожил всё, попадавшееся ему на пути» [Покровский]. В романе Чхартишвили и имя Лермонтова, и отсылки к его поэтическим текстам возникают множество раз: например, «Карательный поход закончился кровавым и бесполезным сражением на реке Валерик, где, по свидетельству Лермонтова, «кровь текла струею дымной по

каменьям», частые возникающие между героями брусникинского романа споры о Лермонтове – поэте и человеке.

Исторический фон «Героя иного времени» в значительной степени ориентирован на повесть Толстого «Хаджи Мурат», а военный эпизод уничтожения мирного Семиауля вполне соотносим с началом 7 главы толстовской повести. Следует сказать, что основной тактикой ермоловского плана победоносной войны на Кавказе была тактика карательная – вырубка лесов, выжигания аулов, уничтожение посевов. Вполне нейтрально об этой практике говорит герой цитируемой Брусникиным повести декабриста Бестужева, восхищающийся Ермоловым: «мы сожгли множество деревень; спалили сена, хлеб, покушали мятежнических баранов, и, наконец, когда снег согнал непокорных с вершин недоступных, они поклонились головою, дали заложников» [2, с. 233]. Толстой же с ужасом описывает последствия этой тактики: «Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, ...был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину.

Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда были привезены еще два тела. Малые дети ревели вместе с матерями. Ревела и голодная скотина, которой нечего было дать. Взрослые дети не играли, а испуганными глазами смотрели на старших.

Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталимами очищал ее» [8, с. 121].

В «Герое иного времени» тот же пейзаж: «Весь склон перед скалистым отрогом был усеян трупами коров и овец. Взять их с собою жители не могли и предпочли перебить. Трава была залита кровью, над местом скотовьего побоища жужжали мириады зеленых мух. Внизу расстилалась долина. Еще нынче утром она казалась зеленой и цветущей, теперь же закатное солнце ярко освещало семь пожарищ. Семиауля больше не существовало. Жителям незачем было возвращаться: ни крова, ни пищи они здесь не найдут. Выражаясь по-военному, долина была окончательно замирена» [8, с. 78].

Переключкой с толстовской повестью становится у Брусникина сцена пытки старика муллы, вернувшегося в мечеть за старинным в кожаном переплете Кораном: «солдаты привязали пленнику к щиколотке веревку, перекинули ее через сук и натянули, так что бедняга оказался висющим вниз головой. Свободная его нога нелепо дергалась в воздухе, борода висела, касаясь земли, лицо быстро налилось кровью и почти почернело. Вид обнаженного старческого тела был тягостен. Сначала мулла пытался закрывать руками (они были свободны) срамное место, но потом, видно, решил, что гяуров стесняться нечего, и прижал ладони к груди. Его била судорога, и он рывками покачивался из стороны в сторону, однако не издавал ни звука.

Не добившись от старика ответа на вопрос о тайных тропинках, которыми женщины и дети были выведены из горной долины, майор отдает приказание:

– Ну пускай висит, пока не издохнет. В назидание прочим. ...Потом распорешь ему брюхо – чтоб кишки висели» [2, с. 276].

Толстовскому герою – офицеру Бутлеру война представляется в радужных красках, другая же сторона войны – «смерть, раны солдат, офицеров, горцев, как ни странно это сказать, и не представлялась его воображению. Он даже бессознательно, чтобы удержать свое поэтическое представление о войне, никогда не смотрел на убитых и раненых» [8, с. 100].

Брусникин же заставляет героя кавказской войны Мангарова увидеть и смерть, и муку: «Я впервые убил человека. Во всяком случае с близкого расстояния – чтоб видеть труп перед собой. Но в том-то и дело, что смотреть на дело своих рук я не стал». Раненый Мангаровым горец был еще жив и стонал.

– Хребет пополам. Долго будет мучиться, бедняга. Добейте его, говорит Никитин.

В ужасе я замотал головой:

– Господь с вами!

Он достал второй пистолет. Я зажмурился.

Грянул выстрел» [2, с. 284].

Толстому понятна ненависть чеченцев к русским. После успешной карательной экспедиции «Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения» [8, с. 79].

Но это понятно и Никитину в «Герое иного времени», романе, написанном во время Второй чеченской войны XXI века: «С точки зрения горца, мы, русские, – это Батый и Мамай в одном лице. Что мы сделали с той деревней, с полями и деревьями? А знаете, каково это – пробить колодец сквозь камни? По здешним обычаям, тот, кто испоганил колодец, карается высшей казнью – вечным изгнанием. Это у них хуже смерти» [2, с. 247].

В «Герое иного времени» даны объяснительные схемы кавказских войн. Первая – официально-государственная. Ее излагает командующий Фигнер, объясняя, что территориальный рост Империи «происходит от необходимости» установить твердые границы с цивилизованными державами: «На западе мы остановились, едва только с карты исчез вечный источник европейских раздоров – Польша. С Австрией и Пруссией нам делить нечего, за свой левый фланг мы можем быть покойны. На востоке мы дошли до океана, до великого Китая – и тоже остановились. Но на юге наше движение не может быть окончено, пока мы не встретимся с силой государства, которое способно гарантировать мирное и надежное соседство. ...Выход у нас один – выполоть сей дикий бурьян и разбить на этом месте цивилизованный газон» [2, с. 187].

На эти имперские доводы, изложенные Мангаровым, Никитин возражает: «А я не понимаю, на что русским расширяться за пределы наших исконных земель? Зачем нам подгрести под себя инородцев и иноверцев? Чтоб они вредили нам, чувствуя себя людьми второго сорта? И главное, что за свет такой мы им несем? Можно подумать, что жизнь наша хорошо устроена, богата, привольна. Так вроде бы нет? Что ж мы тратим силы, жизнь самых здоровых наших мужчин не на укрепление своего ветхого дома, а на разрушение домов чужих?» [2, с. 189].

Вводя в свое повествование отсылку к повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек», Чхартишвили сталкивает в страшном противоречии декабристскую идею «освобождения» русского народа и их страстного восхищения имперскими войнами.

Достаточно подробно писатель рассказывает предысторию своего главного героя – Олега Львовича Никитина. Он – участник наполеоновских войн, он «видел Бонапарта». 14 декабря 1825 года он приезжает в Петербург и случайно оказывается на Сенатской площади. Выбора, когда «на одной стороне – все порядочные люди» а «на другой – подлецы», для него не существует. Не будучи декабристом и не принимая участия в самом декабристском движении, он, тем не менее, остается на стороне своих друзей. Дальше – ссылка, потом как возможность освобождения – участие в Кавказских войнах. Когда Стольников спрашивает Никитина, жалеет ли он, что 14 приехал в Петербург, Никитин отвечает, что жалеет, что не приехал 13. Причина же его сожаления в брусникинском тексте не проговаривается. Читателю приходится ее реконструировать, наталкиваясь на не

слишком приглядные моменты идеологии декабристов. Автор романа сталкивает позицию Никитина и реального писателя, декабриста, воевавшего на Кавказе – Бестужева-Марлинского.

Отношение декабристов к Кавказской войне было вполне в духе традиционного имперства. С восхищением о Ермолове отзывались Рылеев, Кюхельбекер, Фонвизин. Пестель в «Русской правде», пишет о горах: «Образ их жизни, проводимый в ежевременных военных действиях, одарил сии народы примечательной отважностью и отличной предприимчивостью, но самый сей образ жизни есть причиною, что сии народы столь же бедны, сколь и мало просвещенны. Земля, в которой они обитают, издавна известна за край благословенный, где все произведения природы с избытком труды человеческие вознаграждать бы могли и который некогда в полном изобилии процветал. Ныне же находится в запустелом состоянии и никому никакой пользы не приносит оттого, что народы полудикие владеют сей прекрасной страной”. И далее предлагает целую программу: «1) Решительно покорить все народы живущие и все земли, лежащие к северу от границы, имеющей быть протянутой между Россией и Персией, а равно и Турцией; в том числе и Приморскую часть, ныне Турции принадлежащую. (Собственно, начертания Пестеля были выполнены Николаем в войнах с Персией и Турцией в 1826—1829 гг.). 2) Разделить все сии кавказские народы на два разряда, мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям, и 3) Завезти в Кавказские земли русские селения и сим русским переселенцам раздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область» [цит. по: 3, с. 56].

Эти размышления Пестеля вполне отразились в цитируемой Брусникиным кавказской были «Аммалат-бек» декабриста Бестужева-Марлинского, погибшего на Кавказе. Сюжет ее вполне в духе «цивилизационной» концепции декабристов. Молодой и прекрасный горец до поры до времени верно служит русскому царю, но из-за происков немирного князя, оказывается предателем. Он схвачен, но Ермолов милует его по просьбе полковника Верховского. Тронутый великодушием русских, Аммалат-Бек клянется: «С этой поры я верный слуга русскому царю, верный друг русским, душой и саблею. Сабля моя, сабля! – промолвил он, разглядывая драгоценный клинок свой, – пускай эти слезы смоют с тебя русскую кровь и татарскую нефть!» [1, с. 399]. Стремясь приручить «хищника», Верховский просвещает «дикаря-горца», но необузданный в страстях горец, как и говорил полковнику Ермолов, плохо поддается «дрессировке».

Кавказские войны по самой своей природе были имперскими и колониальными, и для анализа кавказских текстов хорошо работает методология постколониального литературоведения [3; 9; 11]. Писатель увидел в лермонтовском «Герое нашего времени» роман колониальный и деконструировал его, вычленив знаковые для колониального дискурса темы и мотивы. Их много. Это и сюжеты, которые условно можно описать как отношения Робинзона Крузо и Пятницы; плена, когда герой-«империалист» освобождается из плена, благодаря своим качествам, превосходящим качества «дикарей»; любви дикарки к цивилизованному герою. Все эти темы выстраиваются на поле характерного дискурса Власти-Знания.

Лишь обозначим один из «колониальных» сюжетов у русских писателей начала XIX века и его деконструкцию у Брусникина. У Пушкина превосходство цивилизованного героя явлено на уровне любви прекрасной дикарки-черкешенки к Русскому: превосходство Пленника у Пушкина заявлено сразу:

Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,

Щадили век его молодой
 И шепотом между собой
 Своей добычею гордились.
 И Черкешенка, конечно, предпочитает им Пленника:
 Люби меня; никто доньше
 Не целовал моих очей;
 К моей постеле одинокой
 Черкес молодой и черноокой
 Не крался в тишине ночной;
 Сльву я девою жестокой,
 Неумолимой красотой [7, с. 84].

Этот же мотив и у Лермонтова. Он практически повторяется в его поэме «Кавказский пленник», и в повести «Бэла». «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними» [4, с. 25] и признается, что с самой первой встречи полюбила Печорина.

У Брусникина сюжет с Бэлой трансформируется, деконструкция выявляет безнравственность выговоренного Бэлой: «Я раба твоя, я твоя пленница». Любовь и насилие идут рядом. В «Герое иного времени» метафора обнажается: «На сиденье, лениво развалясь, сидел румяный краснотубый молодой человек с моноклем в глазнице. Его спутница – чернотростевая горянка ослепительной красоты. Ее бархатная шапочка была вся в серебряных украшениях, на шее в несколько рядов висели золотые монеты. Красавица грызла белейшими зубами орехи и выплевывала скорлупу. На своего кавалера она не глядела.

Ему за бешеные деньги выкупили у разбойников-абазехов рабыню, предназначенную для продажи в турецкий гарем, и теперь он наслаждается ее обществом.

Повторения сюжета не выходит. Кис-кис говорит: «С черкешенкой я дал маху. Лермонтовской Бэлы из нее не вышло, – По-русски не понимает, все время ест, день ото дня толстеет и ужасная дура.

В первую же ночь попробовал я к ней подкатиться... – Кис-кис почесал затылок под чалмой. – Что ты думаешь? Зашипела по-змеиному и вынула из-под этого своего халата нож. Я не понял, меня она хотела убить или сама зарезаться, но больше к ней не суюсь. Ну ее к черту...

Шесть... тысяч... он за нее выложил, серебром! – еле выговорила графиня, держась за живот» [2, с. 89].

Мотив любви-насилия реализуется в русских «кавказских» текстах в нескольких вариантах: любви к русскому прекрасной женщины (Пушкин, Лермонтов), любви ребенка (девочки) – Толстой «Кавказский пленник» (Дина, помогающая бежать Жилину – у Брусникина – Зара) и у Маканина в рискованном «Кавказском пленном», где инвариантом черкешенки становится юный и прекрасный горец.

Постколониальный дискурс – важнейшая составляющая замысла романа А. Брусникина. Писатель не просто играет с названием лермонтовского романа. Он полемизирует с Лермонтовым. Важнейшим критерием выбора истины в вопросах войны, патриотизма становится у Брусникина личная порядочность.

О патриотизме с цинической усмешкой говорит Стольников (герой нашего времени в лермонтовской варианте): Объясняя, почему он «никогда не променяет отечество, каким бы уродливым оно ни было, на заграницу», говорит: «Что ж я поеду оттуда, где мне удобно, туда, где всё сшито на чужую мерку? И кому я там сдался? В Лондоне иль Париже своих чайльд-гарольдов хватает, я для них буду папуас, дрессированный медведь. ...А всего противней для нашего брата-roussak то, что они там у себя существуют по законам, а мы привыкли жить по правилам. Правила наши просты и понятны: Не хули tsar, не дразни psar (то бишь голубые мундиры), не задирай церковь» [2, с. 113].

Другой вариант – жандарм майор Честноков (тут длинная игра с аллюзиями от Честнок – Видок, Видок Фиглярин – Фаддей Булгарин (поляка по происхождению, после раздела Польши перешедшего на службу русскому царю). Любовь к отечеству, – говорит он, – «химера, хоть и полезная. Любить отечество возможно для каких-нибудь англичан или голландцев, которые, влезши на кочку, могут всю свою необширную родину враз оглядеть. А Россию обозри-ка, попробуй. Кой ляд общего у меня, русака, с камчадалом, чухонцем, жидом, полячишкой, да хоть бы и своим мужиком сиворылым? Можем ли мы с ними любить некую абстракцию, которая существует только на географической карте? Другое дело – любовь к государю. ... Нам... без самодержавия прожить никак нельзя. Оно наш стержень... Вот в чем состоит российский патриотизм: люби государя, верь в него, как в святую Троицу, а если грех какой, так то его царская печаль – ему за всех нас перед Богом отвечать» [2, с. 389].

Доктор Прохор Антонович горячится, ссылается на Чаадаева: «Что за радость такая быть русским? Мы живем в деспотии, бесправии и неравенстве! Народ наш коснеет в грязи и свинстве! Европа развивает науки и просвещение, а у нас студентов за пустыки отдают в солдаты!» [2, с. 147]. Ему возражает Никитин: «Так давайте ж крепко держаться за то, в чем мы лучше, догоняя другие народы в тех качествах, которых нам недостает. Вот вам вся формула патриотизма» [2, с. 147].

В столкновении с прежним «Героем нашего времени», рождается «Герой иного времени». Безупречная личная нравственность Никитина – «иногo героя» должна, по Брусникину, стать основой «иногo времени».

Роман при всех внешних, привычных постмодернистских признаках – интертекстуальность, роман-пастиша, гипертекст, открывающий за каждой отсылкой новую цепочку цитатных отсылок и т.д. – принципиально иной. В нем уже нет той «постмодернистской эпистемологической неуверенности», по крайней мере, для «писателя-славянофила» и патриота Анатолия Брусникина, Чхатишвили хочет разделить его веру, хочет видеть нового русского человека, положительного героя, и «такой патриотизм, с которым у меня противоречий нет». Это он писал в 2012 году. Впереди была новая война, несогласие с которой во многом вынудило писателя эмигрировать из России.

Библиографические ссылки

1. *Бестужев-Марлинский А. А.* Аммалат-бек// А. А. Бестужев Марлинский, Сочинения в 2-х томах. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 1. – С. 347–450.
2. *Брусникин А. О.* Герой иного времени: [роман] / Анатолий Брусникин. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 414 с.
3. *Гордин Я.* Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов // Империя и либералы. – СПб. 2001. – С. 40–63.
4. *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 2 т. / М. Ю. Лермонтов ; [сост. и комм. И. С. Чистовой]. – М. : Правда, 1990.
5. *Маканин В. С.* Кавказский пленный : [сборник] / В. С. Маканин; предисл. Н. Иванова. – М. : Панорама, 1997.– 476 с.
6. *Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 282–283.
7. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 16 т. / А. С. Пушкин; [ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой и др.] – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959.– Т.2.
8. *Толстой Л. Н.* Хаджи-Мурат // Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. / под ред.: М. Б. Храпченко [и др.]; – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 14. – С. 22–136.
9. *Урушадзе А.* Кавказская война. Семь историй / А. Урушадзе. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 458 с.
10. *Чхатишвили Г. Ш.* Проект «Авторы»: Анатолий Олегович Брусникин [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://echo.msk.ru/blog/b_akunin/848329-echo/
11. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. / А. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

Поступила в редакцию 20.10.2018 г.